

1

Сам Седрик вовсе об этом не подозревал. При нем это ни разу даже не упоминалось. Он знал, что его папа — англичанин, потому что так ему сказала мама; вот только папа умер, когда Седрик был таким маленьким, что он почти ничего о нем не помнил, кроме того, что папа большой, голубоглазый, с длинными усами и что так весело было кататься по комнате у него на плече. После смерти папы он обнаружил, что с мамой о нем лучше не говорить. На время болезни отца Седрика отослали из дома, а когда привезли обратно, все уже кончилось, и его мать, которая тоже тяжело болела, едва начала вставать с постели, чтобы посидеть в своем любимом кресле у окна. Она побледнела и осунулась, на красивом лице не осталось и следа прежних ямочек, печальные глаза казались огромными. Одета мама была в черное.

— Душенька, — сказал Седрик (папа всегда называл ее этим словом, и мальчик тоже привык так говорить), — Душенька, папе лучше?

Он почувствовал, как задрожали ее руки, и, повернув кудрявую голову, взглянул ей в лицо. В его

выражении было что-то такое, от чего Седрику захотелось плакать.

— Душенька, — повторил он, — ему лучше?

И тут вдруг любящее сердечко подсказало ему обвить руками мамину шею, осыпать ее лицо поцелуями и прижаться мягкой щекой. Так он и сделал, а мама положила голову ему на плечо и горько разрыдалась, сжимая его в объятиях так, словно никогда больше не сможет отпустить.

— Да, ему лучше, — всхлипнула она, — ему теперь очень-очень хорошо, но вот нам... у нас с тобою никого не осталось, кроме друг друга. Совсем никого.

И тогда, несмотря на малые свои годы, он понял, что его большой, красивый, молодой папа никогда уже не вернется, что он умер, как умирали другие люди, о которых он порой слышал, хоть ему и невдомек было, отчего приключалось с ними такое удивительное несчастье.

Мама всегда начинала плакать, когда Седрик упоминал о папе, и потому он втайне решил, что лучше не заговаривать о нем очень уж часто; а еще он понял, что нельзя позволять ей сидеть без движения и молча глядеть в очаг или в окно. Они с мамой почти никого в округе не знали и жили, вероятно, очень одинокой жизнью, но мальчик этого не осознавал, пока не подрос и не услышал, почему их никто не навещает. Ему рассказали, что его мама — сирота и что она никого не знала в целом свете, когда папа на ней женился. Она жила компаньонкой у богатой старой дамы, которая относилась к ней не по-доброму; однажды капитан Седрик Эррол, зашедший с визитом, увидел,

как юная красавица взбегает по лестнице со слезами на ресницах, и она показалась ему такой милой, невинной и грустной, что он не сумел ее забыть. После множества странных происшествий, когда мама с папой уже хорошо узнали друг друга и были крепко влюблены, они поженились, хоть этот брак и навлек на них ярость кое-каких влиятельных людей. Однако пуше всех гневался отец капитана, который жил в Англии. Очень богатый и важный старый аристократ, он славился своим ужасным характером и горячей ненавистью к Америке и американцам. У него было еще два сына, оба старше, чем капитан Седрик, и по закону фамильный титул и поместья, роскошные и изобильные, переходили к старшему сыну, а если тот скончается, то к среднему, — поэтому, хоть капитан Седрик и происходил из такой важной семьи, он едва ли мог сам надеяться на богатство.

Но так случилось, что природа наделила младшего сына дарами, которых пожалела для его старших братьев. У него было красивое лицо и прекрасная статная, изящная фигура; лучезарная улыбка и веселый ласковый голос; отважный и щедрый человек с самым добрым во всем мире сердцем, он, казалось, каждого нового знакомого влюблял в себя. Старшие же братья, напротив, не отличались ни красотой, ни добротой, ни умом. Мальчиками в Итоне¹ их не особенно любили, а позднее в университете им не было дела до учебы, так что они истратили зря уйму времени и денег, но даже не обзавелись истинными друзь-

¹ Город в Англии, где расположен Итонский колледж — престижная британская частная школа для мальчиков. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ями. Они беспрестанно разочаровывали и позорили старого графа, своего отца; старший сын не приносил благородному имени никакой славы, и не вызывало сомнений, что ему суждено вовеки оставаться эгоистичным бездельником и транжирой, лишенным всякого достоинства и благородства. «Как горько, — думал старый граф, — что все таланты и добродетели, сила и красота достались лишь младшему сыну, которому уготовано самое скромное наследство». Иногда он почти начинал ненавидеть очаровательного юношу, столь щедро одаренного всем тем, что должно было бы идти рука об руку с влиятельным титулом и роскошными поместьями; и все же в самой глубине своего гордого и упрямого старческого сердца он очень любил младшего сына. Повинуясь капризу, он отослал его в путешествие по Америке; ему хотелось ненадолго отдалить Седрика от себя, чтобы не сердиться, постоянно сравнивая его с братьями, которые в то время доставляли ему уйму неприятностей своими дикими выходками.

Но минуло полгода, и старику стало одиноко; он тайне затосковал по сыну и, желая снова его увидеть, написал капитану с приказом возвращаться домой. Его послание разминулось в дороге с письмом, которое капитан в ту же самую пору отослал отцу, — в нем он рассказывал о том, что влюбился в очаровательную американку и собирается на ней жениться. Получив такие вести, граф пришел в совершеннейшую ярость. Как бы ни был ужасен его нрав, он за всю жизнь никогда еще не давал ему такой воли, как в те минуты, когда читал письмо капитана. Присут-

ствовавший при этом камердинер графа даже подумал, что его вот-вот хватит апоплексический удар — настолько он обезумел от гнева. Целый час старик бушевал, словно разъяренный тигр в клетке, а потом сел за стол и составил ответ, в котором повелел сыну вовек не приближаться к своему бывшему дому и никогда более не писать ни ему, ни братьям. «Можешь жить как хочешь, — заявил он, — и сгинуть, где тебе вздумается, но ты останешься навсегда вычеркнут из семьи и до конца своих дней не получишь от отца никакой помощи».

Капитан крепко опечалился, прочтя это письмо: он питал самые теплые чувства к Англии и горячо любил свое прекрасное родовое гнездо. Он любил даже и вздорного старика-отца и сопереживал его разочарованиям, но сразу понял, что в будущем милостей с его стороны ждать нечего. Поначалу молодой человек даже не знал, что ему делать: его растили не для труда, да и делового опыта у него не доставало, — но зато он обладал недюжинной храбростью и решительностью. Поэтому он продал свой чин в английской армии и, после некоторых неудач найдя работу в Нью-Йорке, женился. Жизнь его теперь разительно отличалась от тех лет, что он провел в Англии, но он был молод и счастлив и надеялся, что упорным трудом многого добьется в будущем. Седрик Эррол поселился в маленьком домике на тихой улочке, где и увидел свет его малютка-сын, и все складывалось так по-простому чудесно и весело, что он ни разу не пожалел даже на мгновение о том, что взял в жены очаровательную компаньон-

ку той богатой старой дамы просто потому, что она очень милая и нежная и что они полюбили друг друга. Жена его и вправду была сама доброта, а маленький сын рос похожим на них обоих. Хоть он и родился в таком невзрачном, дешевом маленьком жилище, но казалось, что на свет еще не появлялось более везучего малыша. Во-первых, он никогда не хворал и не доставлял никому даже малейших хлопот, во-вторых, все не могли нарадоваться на его кроткий, ласковый нрав, а в-третьих, он рос хорошеньким, будто картинка. На свет он появился не с лысой головкой, как многие младенцы, а с пушком нежных, мягких золотых волос, которые завивались на концах и к шестимесячному возрасту лежали у него на макушке крупными колечками. У мальчика были большие карие глаза, длинные ресницы и умильное личико, а спинка и ножки оказались такими крепкими и сильными, что к девяти месяцам он уже научился ходить. Он отличался манерами столь похвальными для такого малютки, что общение с ним доставляло истинное удовольствие. Казалось, он всех и каждого считает своим другом, и, когда с ним на прогулке заговаривал незнакомец, он окидывал его из коляски добрым и серьезным взглядом, а потом расплывался в чарующей дружелюбной улыбке. Поэтому каждый, кто жил по соседству от его родной тихой улочки, — даже торговец из бакалейной лавки на углу, имевший репутацию самого хмурого существа на свете, — рад был увидеть его и поговорить с ним. А малыш от месяца к месяцу становился все краше и все занятнее.

Когда он подрос до того, что стал выходить гулять с няней, ведя за собою на веревочке игрушечную тележку, одетый в коротенький белый килт¹ и белую широкополую шляпу поверх золотых кудряшек, все вокруг восхищались тем, какой он крепенький, красивый и розовощекий. Няня, вернувшись домой, рассказывала его матушке, как важные дамы останавливали свои экипажи, чтобы полюбоваться на малыша и поговорить с ним, и как их приятно удивляло, когда он отвечал им в своей милой добродушной манере, словно давним знакомым. Очаровательней и забавней всего была та бесстрашная легкость, с какой он заводил друзей. Рождалась она, вероятно, из доверчивой природы и доброго сердечка, которое умело сопереживать всем до единого существам и желало каждого окружить тем же уютом, какой нравился ему самому. Чувства других людей представлялись ему открытой книгой. Пожалуй, отчасти он научился этому у матери и отца, с которыми проводил дома немало времени и которые всегда были добры, внимательны и благородны. Он ни разу не слышал дома резкого или обидного слова; его любили, ласкали и воспитывали с неизменной нежностью, и потому его юную душу переполняли доброта и искренность. Отец его всегда называл матушку ласковыми именами, и он сам привык обращаться к ней так же; он видел, как папа бережет маму и окружает ее заботой, и это приучило его тоже заботиться о ней.

¹ Килт — традиционное одеяние шотландских горцев. Юбочка, имитирующая килт, в то время была популярным предметом одежды для маленьких мальчиков.

Поэтому когда Седрик понял, что папа больше не вернется, и увидел, как ужасно печалится мама, то в глубине своего доброго сердечка решил, что надобно делать все возможное, чтобы ее порадовать. Он едва вышел из младенческого возраста, но эта мысль руководила им всякий раз, когда он забирался к ней на колени, целовал ее и прятал у нее на шее свою кудрявую головку, когда приносил игрушки и книжки с картинками, чтобы показать ей, когда тихо сворачивался клубочком рядом с нею на диване. Он был слишком мал, чтобы придумать что-нибудь еще, и делал что мог, но и сам не представлял, какое дарил ей этим утешение.

— Ах, Мэри, — как-то призналась она их старой служанке, — я уверена, он по-своему пытается мне помочь, невинное дитя. Я это точно знаю. Порой он смотрит таким ласковым вопросительным взглядом, будто жалеет меня, а потом подходит приласкать или показать что-нибудь. Мне кажется, он все понимает, мой маленький мужчина.

Седрик рос, и у него все прибавлялось милых привычек, которые веселили и занимали его знакомых. Он был своей матушке таким верным наперсником, что она не могла и пожелать иного. Они вместе гуляли, беседовали и играли. Еще совсем малышом он выучился грамоте и с тех пор по вечерам лежал на ковре перед камином, читая вслух то рассказы, то большие книги, какие читают люди постарше, а иногда и вовсе газету; часто в такую пору Мэри из кухни слышала, как миссис Эррол заливается веселым смехом, слушая его забавные комментарии.

— Да уж и вправду, — рассказывала Мэри бакалейщику, — как тут не хохотать? Такой он уморительный, а как выражается-то старомодно! Вечор того дня, как объявили нового кандидата в президенты, явился он ко мне на кухню, встал у очага в позу, ни дать ни взять портрет — ручонки в кармашках, моська серьезная, будто у судьи, — и говорит: «Мэри, — говорит, — я весьма интересуюсь выборами! Я, мол, публиканец, и Душенька тож. А ты, Мэри, публиканка?» А я ему говорю: «Уж извиняйте, я самая что ни на есть димикратка!» И тут он так на меня глянул, что меня аж до самого сердца пробрало, и говорит: «Мэри, — говорит, — это погибель для страны!» И с тех пор ни единого денька не проходит, чтоб он не спорил со мною про мои убежденья.

Мэри души в нем не чаяла и очень гордилась им. Она помогала его матушке с того самого дня, как он родился, а после смерти отца стала им и поварихой, и горничной, и няней, и всем на свете. Она гордилась крепкой, изящной фигуркой малыша, его очаровательными манерами и особенно светлыми кудрями, которые спадали на маленький лоб Седрика и шелковыми локонами ложились ему на плечи. Мэри охотно трудилась с раннего утра до позднего вечера, помогая миссис Эррол шить и чинить ему костюмчики.

— Ну прямо вылитый ристакрат! — говаривала она. — Вот не сойти мне с места, ежели кто хоть на Пятых авенях сыщет малютку краше да с такой благородной походкой. Все, от мала до велика, вслед ему глядят, когда он шагает по улице в своей черной бархатной юбочке из старого хозяйкиного платья — го-

ловка вскинута, кудряшки рассыпью сияют. Маленький лорд, да и только!

Седрик не знал, что выглядит как маленький лорд, он вообще не представлял, что такое «лорд». Лучшим другом его был торговец из лавки на углу — тот самый хмурый бакалейщик, вот только с ним он никогда не хмурился. Звали его мистер Хоббс, и Седрик относился к нему с большим уважением и даже восхищением. Он почитал его весьма богатым и влиятельным человеком, ведь у него в магазине продавалось столько всякой всячины: и чернослив, и инжир, и апельсины, и печенье, — а еще у него была лошадь с фургоном. Седрику нравились и молочник, и булочник, и торговка яблоками, но мистера Хоббса он любил пуще всех и так крепко с ним сдружился, что ходил навестить его каждый день и часто оставался надолго, обсуждая всякие насущные вопросы. Даже удивительно, как им удавалось отыскивать столько тем для разговоров — взять, к примеру, хоть Четвертое июля¹. Стоило завести речь про Четвертое июля — и казалось, конца и края этому не будет. Мистер Хоббс придерживался весьма нелестного мнения о «британцах»; он изложил Седрику всю историю революции, полную чудесных патриотических рассказов о вероломстве врага и героизме революционеров, и даже процитировал порядочный кусок Декларации независимости. Седрик так заслушался, что глаза у него сияли,

¹ День независимости, государственный праздник США. 4 июля 1776 года была принята декларация, объявлявшая о независимости США от Великобритании.

щеки покраснелись, а кудряшки, которые он то и дело тербил от волнения, превратились в спутанный золотистый ком. Вернувшись домой, он едва дождался ужина — так ему хотелось поделиться услышанным с мамой. Пожалуй, именно мистер Хоббс пробудил в нем интерес к политике. Бакалейщик любил читать газеты, вследствие чего Седрик немало знал о том, что делается в Вашингтоне; и мистер Хоббс всегда сообщал ему, исправно ли президент выполняет свои обязанности. А уж когда случились выборы, их энтузиазму вовсе не было предела, и, вне всяких сомнений, без мистера Хоббса и Седрика страна просто-напросто развалилась бы. Бакалейщик водил его смотреть процессию с факелами, и многие из ее участников после вспоминали крепко сбитого мужчину, стоявшего под уличным фонарем, — он держал на плече симпатичного маленького мальчика, который увлеченно кричал и размахивал в воздухе шапочкой.

Вскоре после этих выборов, когда Седрику было семь с лишним лет, одно очень странное происшествие самым чудесным образом переменяло всю его жизнь. Что любопытно, случилось оно как раз в тот день, когда он беседовал с мистером Хоббсом об Англии и королеве, и мистер Хоббс выразил весьма суровое мнение об аристократии, особенно презрительно отозвавшись о графах и маркизах. Утро выдалось жаркое; поиграв в солдатики с друзьями, Седрик пришел в лавку отдохнуть и обнаружил, что мистер Хоббс сверлит гневным взглядом передовицу «Иллюстрированных лондонских новостей» с изображением какой-то придворной церемонии.